Марк Поднос

ДОСТОЕВСКИЙ

(и еврейский вопрос в России)

Марк Борисович Поднос
Достоевский (и еврейский вопрос в России)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64617232
Достоевский (и еврейский вопрос в России) / Поднос М. Б.: Перо; Москва; 2021
ISBN 978-5-00171-910-6

Аннотация

Великое искусство человеческого бытия в том и состоит, что человек делает себя сам. Время обязывает, но есть еще и долги фамильные. Продление рода не подарок, а искусство и чувство долга. Не бойтесь уходить из жизни. Она продолжается. Ее имя – память.

Поколение сменяется поколением. Есть генетика, есть и генезис. Если мы, наследующие предков наших, не сделаем шаг вперед, то, значит, мы отстаем от времени. Значит, мы задолжали предкам. Остается надежда, что наши потомки окажутся мудрее и захотят (смогут) отдать долги, накопленные нами.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Вместо введения	4
Первое авторское отступление	12
Часть первая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марк Поднос
Достоевский (и еврейский вопрос в России)

Вместо введения

Прочитав название книги, недоуменный читатель невольно задается вопросом: какая связь между великим русским писателем и евреями. Читатель прав, если не читал «Дневник» писателя. Там Ф. М. Достоевский эту связь обнаружил и мнение свое изложил. И все же это, скорее, повод для книги.

Достоевский (в дальнейшем Ф.М.) интересен сам по себе как личность, прежде всего, и как гражданин.

* * *

Я неоднократно в юные годы и в зрелые читал Ф. М. На меня его работы производили двойственное впечатление. С одной стороны, глубина чувств, с другой – все как-то очень мрачно. Это и сподвигнуло начать читать о нем.

У меня правило, когда читаешь о ком-то из великих, то обязательно несколько разных источников. Своих, россий-

ских, но по возможности и иностранных. Личность Ф.М., события его жизни – сами по себе большой удивительный роман. Роман, который в его творчестве отражен только деталями. Роман о своей жизни Ф. М. не написал, а жаль. Жизнь его столь удивительна, что порой возникает мысль: не ирония ли это. Нельзя играть человеком как шахматной фигурой. Фигурой управляет человек. А кто управляет человеком? Говорят – судьба. Это мало и плохо объясняет. Жизнь человека – это события и поступки. Но столько разных событий в течение жизни одного человека – это явно чрезмерно. И ведь это не просто человек с улицы. Это подлинно великий писатель, признанный не только на родине, но и в целом мире.

Все возможные и невозможные, казалось бы, события вместились в 2/3 века жизни одного человека. Вы посмотрите, что было. Потомственный дворянин – и вдруг каторжник, стоящий на эшафоте под дулом ружей. Любимый сын родителей, ученик престижного учебного заведения. В 16 лет теряет мать, а через два года отца. В 20 лет уже произведен в офицеры. Начинает жить самостоятельной жизнью. В 23 года переводит Бальзака. А уже через год читает свой первый роман («Бедные люди»). В 25 лет этот роман печатает сам Некрасов (в сборнике «Петербуржский»). И в этом же году публикует первую повесть («Двойник»), а еще через полтора – большой рассказ («Господин Прохарчин»). И буквально через месяц он уже активно работает над «Неточ-

кой Незвановой». Он ведь еще не жил – 25 лет всего, – мало что видел. Откуда столько фантазии, игры воображения? Еще через несколько месяцев – «Роман в письмах» в «Современнике». Отменная плодовитость и работоспособность. И вот через полгода в этом же «Современнике» выходит повесть «Хозяйка», а «Бедные люди» выходят отдельной книгой. И уже в начале 1848 г. – повесть «Слабое сердце» и рассказ «Чужая жена» («Отечественные записки»). И в том же 1848 г. – повесть «Белые ночи» и новый рассказ в «Современнике» «Ревнивый муж». И вся эта масса литературных новинок – за три-четыре года. Пусть не все встречалось на «ура». Были и слабые вещи. Но ведь один человек в возрасте с 25 до 28 лет. Что готовит судьба? Славу, величие? Нет, она повернула все по-своему. Увлечение социалистическими идеями, кружок Петрашевского, арест.

В 1849 «Отечественные записки» начинают публиковать новый роман «Неточка Незванова», а через 3 месяца – арест, суд, полгода одиночной камеры и каторга. А это лишение всех чинов и прав состояния. Это еще не все подарки Судьбы, пришлось постоять на эшафоте под дулами направленных на тебя ружей, с черным мешком на голове, чтобы услышать о «доброй воле царя». Вместо расстрела – каторга.

Сколько литература потеряла (да что литература? Человечество!) от того, что 4 года Ф. М. был лишен жизни людей и приобщался к жизни каторжан. А потом еще солдатчина. Да, много потеряли! А может, и нашли? Не было бы каторги

– не было бы «Преступления и наказания», «Братьев Карамазовых», «Идиота». Откуда все его герои. Сцена другая, а типы оттуда.

А еще он был страстным игроком, любвеобильным и влюбчивым. И все это тоже отразилось в творчестве. Тут были и успехи, и неудачи. Пожалуй, последнее более стимулировало творческое начало. Но нас интересует прежде всего личность. Ибо именно раскрыв величие, широту и глубину личности мы найдем опровержение тех досужих наветов («антисемитизм»), которые пытаются навесить на Ф. М. одиозные иудеи, махровые антисемиты или глупые евреи.

Евреи же – мои соплеменники. И все, что касается их национальной идентичности, места в земной цивилизации, мне не чуждо. Это и есть посыл к книге и ее названию.

Но для начала давайте определимся с терминологией: еврей, иудей, жид:

– еврей есть национальная принадлежность человека (у иудеев определяется по матери, что имеет логическое объяснение, ибо отец ребенка может быть под вопросом; мать же всегда определена);

– иудей же – это человек, принявший для себя религию иудаизм. Евреем мы рождаемся; иудеем может быть (теоретически) каждый принявший и исповедующий иудаизм;

– жид – термин литературный, бытовой, пришедший к нам из многовековой давности, о чем мы будем писать позднее.

Сразу хочу уведомить потенциального читателя, что автор, будучи евреем, не приемлет иудаизм. В той мере, в которой это позволяет Тора и несколько книг, популяризующих иудаизм, я считаю эту религию тяжелой, не всегда понятной человеку с либерально-гуманистической системой взглядов. Главное, что мне тяжело понять и принять в иудаизме, это:

– признание исключительности, избранности Богом иудеев;

– неприязнь к «гоям» (не евреям), отнесение их к «осетрине второй свежести»;

– вечное ожидание «мессии» (которого все евреи ждут на словах, а на деле проявляют исключительную деловитость). Те же, кто принимает доктрину ожидания, оказываются пассивными (безразличными к давлению со стороны) гражданами. Тем не менее я и мои предки в трех поколениях, в отличие от многих друзей и знакомых, не крестились и не принимали иные догматы религии, приносящие жизненные блага и удобства. Не знаю почему, но считал это бесчестным, ибо в исторических далях мои предки были иудеями. Ныне же мое отношение ко всем религиям уважительное, но я считаю, что все религии – это игры привычек, природы человека. Однако я обнаружил у себя некоторое изменение по отношению к религии с возрастом. Хотя страха смерти нет, а я приближаюсь со скоростью ракеты к 85 годам, но вдруг захотелось поверить в то, что там что-то есть, хотя умом понимаю, что это «глупство». Главное в другом. Годы не прибавляют ума,

но вносят спокойствие и мудрость. Люди разные. И это естественно. Многие в этом сумасшедшем мире погони за деньгами не могут обеспечить себе сносное существование. Есть просто убогие от рождения. Им религия в помощь. Вселяет надежды и упование. Почему нет? Если так легче принять бытовые проблемы и трудности. Есть и другие, излишне ретивые, шустрые, способные на ходу подметки срезать. И вот когда они «уверенно держат Бога за бороду» – вдруг получают здоровенную оплеуху от жизни. В этом случае я готов признать неведомое и сомнительное (Бог? Судьба?) и поклониться ему.

Ф. М. истово верил в Бога. Был не только верующим христианином, но и исключительно добрым человеком, соблюдающим заповеди. Не будем в данном случае сомневаться в Христе и христианстве. Он бы этого не одобрил. Спишем все на Судьбу. А как они распределили события жизни Ф. М. между собой – есть таинство. Мы лишь в своих писаниях постараемся в меру сил осмыслить события. Но главное будем помнить: не дело хорошего человека, личность пятнать срамным домыслом. Вот в этом есть цель и задача.

За последние годы я написал примерно 20 книг. Пробовал себя в жанрах романа, повести, литературных биографий. Но больше тянуло к размышлениям: возраст! Давит тяжесть накопленного. Хочется поделиться. Может быть, немного пофилософствовать. Начинаешь понимать, как это здорово,

когда есть время не для заработка: кормления, одевания, обувания семьи и себя любимого. Есть время для раздумий. Интересно, но чаще всего желание что-то написать, пролить накопленное на бумагу, которая терпеливо ждет, у меня появляется не в Москве. Идеи рождаются дома, в Москве, но превращаются они в нечто, когда я уехал далеко. Чаще всего в Израиле, куда я бегу от московской слякотной осени к солнцу и зеленой траве.

Раньше я грешил мыслью, что здесь что-то генетическое. Все же историческая родина! Но, по трезвому размышлению, пришел к мысли, что тут другое. Свобода от ненужных звонков, каких-то мелких просьб, в выполнении которых неловко отказать. Вдруг, как здорово, не нужно думать о повседневных мелочах, которые незаметно съедают время и изгоняют мысли о задуманном. А чего стоит солнце за окном и море вдали! Нет, свобода от нудных мелочей – все же главное!

Книга, которая поначалу – груда испачканной чернилами бумаги (пусть пастой), книга о Достоевском была задумана еще пятнадцать лет назад. Тогда, в 2005 году, осенью я жил в Тель-Авиве, куда сбежал из Москвы, где становилось холоднее. Я жадно накинулся на израильские русскоязычные газеты. Все же какой-то иной взгляд на события в мире.

И вот попалась мне на глаза статья, уж не помню автора, где в очередной сто первый раз «обсасывалась» тема об антисемитизме Достоевского. Опять, очередной раз, бедный

его «Дневник» пинал литературный «критик».

В это время я готовил к изданию свой «Поток сознания».[1] В книге была большая глава «Что значит быть евреем», и я включил в эту главу небольшой раздел, часть «По поводу антисемитизма Достоевского». Чтобы читателю не затрудняться поисками этой книги – тем более, что издавалась она тиражом чуть более 1000 экземпляров, – позволю себе привести этот текст в авторском отступлении, коих будет еще немало.

Но прежде я хотел бы выразить благодарность за помощь в подготовке рукописи к изданию Валентине Путилиной и Денису Подносу.

_____ «_____ «_____

[1] Марк Поднос. Поток сознания. Издательство «Радуга», Москва, 2005 г.

Первое авторское отступление

По поводу антисемитизма Федора Михайловича.

Частенько я встречал в литературе упоминание об антисемитизме Достоевского. Иногда это делалось вскользь, как бы стесняясь обвинить явно большого писателя в грехе, который в русских культурных кругах воспринимался как нечто подобное рукосуйству. Пообщавшись с подобными грешниками, другой, не менее знаменитый, русский писатель – Лев Николаевич – предпочитал и даже рекомендовал мыть руки. Я уже не говорю о еврейской литературе, в которой грехи антисемитов клеймились и выставлялись на всеобщее обозрение. Особенно если она, эта литература, заражена другой, не менее распространенной болезнью – национализмом. Так вот, внимательно перечитав мартовский дневник Ф. М. Достоевского за 1877 год (главу II «Еврейский вопрос»), я пришел к непростому выводу, что так называемый «антисемитизм» Федора Михайловича есть результат сильного преувеличения.

И вообще, что это мы придумали, взяли за правило: стоит кому нас покритиковать как нацию (скажем так, даже резко покритиковать и несправедливо) – давай сразу обвинять критика в антисемитизме! Вот если вы скажете, что генерал Макашов – антисемит, тут я спорить не буду. Мог бы еще кое-что добавить, но очень неуютно у нас в судебном при-

сутствии.

Нет, давайте сначала разберемся, господа хорошие. А уж потом будем отметки проставлять и наклейки клеить. Вот если бы сказали, что Федор Михайлович русский патриот, даже и не русский избранно, а славянский (пусть панславянский), и чуть пережимает, перегибает палку со своим патриотизмом, тогда да, стоит задуматься. Впрочем, задуматься всегда не грех. Я даже могу признать, что Федор Михайлович не очень любил евреев. Хотя жестко критиковать – вовсе и не значит не любить. Мы нередко наших детей не то что критикуем, но и, случается, порем. И, вместе с тем, только их-то мы и любим по-настоящему.

Но одно дело любить или не любить. Другое дело – третировать, подвергать общественному остракизму, лишать прав, а то и просто преследовать под надуманными предлогами. Было ли это в России, столь любимой ее великим писателем? Было. А было ли это в главных творениях Достоевского, прославивших и автора, и страну? Полагаю, не было.

Что касается критиков Ф. М. Достоевского за его антисемитизм, то им ответил сам писатель в уже упоминаемом эссе «Еврейский вопрос». В первых же строках своего памфлета, или эссе (назовите, как вам больше нравится), автор называет три миллиона граждан-евреев «сынами России», что уже немало говорит о его взглядах. Правда, мои оппоненты скажут, что это всего лишь слова, но и слово «жид», применение которого подверглось критике, тоже всего лишь слово,

исторически со времен Пушкина и Гоголя вошедшее в русскую литературу. За много лет до Федора Михайловича, в его времена, да и много позже, мы это слово не раз встречаем в литературе. Плохое слово. Оно, однако, вовсе не говорит о том, что автор ненавидит жидов как племя.

Ф.М., будучи человеком глубоко верующим, хотя и не религиозным, понимающим веру по-своему, призывает «образованных», «высших евреев» не бравировать своей цивилизованностью и не забывать свою сорокавековую историю и не «отступаться от Иеговы». Для него еврей без Бога немыслим (своего Бога, Иеговы), так же, как немыслим православный без Христа.

Он совершенно четко и недвусмысленно дал ответ своим оппонентам: «В сердце моем ненависти (к евреям – М. П.) не было никогда». Достоевский сам заявляет, что если и применял слова «жид», «жидовщина», «жидовское «царство», то эти понятия применялись исключительно для характеристики века, то есть как понятия исторические.

Достоевский считает обвинение в антисемитизме «тяжким обвинением», тяжким грехом, который не хочет брать на себя.

Ф. М. отвечает своим оппонентам-обвинителям может быть и несколько запальчиво, но четко и по существу. Со многими его доводами нельзя не согласиться.

«…В мотивах нашего разъединения с евреем виновен, может быть, и не один русский народ, и что скопились эти мо-

тивы, конечно, с обеих сторон…»

Для Ф. М. всякий еврей, выступающий против имперской панславянской политики, используя при этом политические средства, непременно жид. Это не забитый, нищий местечковый еврей и даже не богатый образованец, живущий в Москве или Питере, а английский аристократ, имеющий еврейские испанские корни (лорд Биконсфилд). Здесь Достоевский скорее дремучий патриот, чем ненавистник евреев. Что греха таить, многие из образованных евреев-атеистов в своем домашнем кругу (и в прошлом, и ныне), усматривая в ком-то из евреев вопиющие недостатки и даже откровенные гнусности, не раз именовали такого в порыве негодования жидом. Деление иудеев в соответствии с их достоинствами и явными недостатками на евреев и жидов – классификация далеко не лучшая и не самая достойная, однако достаточно распространенная.

Достоевский не может «вполне поверить крикам евреев, что уж так они забиты, замучены и принижены». Что ж, это верно, но какой же это антисемитизм?

По Достоевскому, три миллиона евреев «терпели в свободном выборе местожительства», но в это время 23 миллиона русских терпели от крепостного права, и им было не лучше. Достоевский – жесткий и бескомпромиссный противник и того и другого, о чем заявляет недвусмысленно.

Может быть, Ф. М. чуть пережимает, когда в порыве полемики, отстаивая свою точку зрения (оправдываясь при

этом), цитирует бульварные дурацкие измышления ряда газет о том, что евреи прибрали к рукам освобожденных от рабства негров в Америке и чуть не сгубили водкой бедных литовцев. Как будто, не будь евреев, то неграм или литовцам было бы легче. А делает он это для того, чтобы одернуть чересчур ретивых оппонентов: «ребята, не стоните так и не поднимайте «гвалт» – у самих рыльце в пушку».

Не надо забывать, что Достоевский не только великий писатель, но и профессиональный полемист-журналист. Думаю, Достоевский прав, когда говорит, что «нет в нашем простонародье предвзятой, априорной, тупой, религиозной… ненависти к еврею», не обижают «в казармах еврея как еврея, как жида, за веру, за обычай».

И то верно, что предвзятое отношение к евреям всегда приходило сверху как выражение ошибочной государственной политики. Вот ныне изменилась политика, и можем говорить об антисемитизме как о случае исключительном. А из 5 % тех думцев, кои известное письмо написали, большая часть – просто дуболомы, а кто-то явный пациент клиники им. Кащенко. И тут еще одно интересное «открытие» (наблюдение). Для Достоевского жид ассоциируется с верой и обычаем еврея. Во времена, когда родился термин «жид», еврея главным образом отличали от массы в тех странах, где он обитал, вера и обычай. И то и другое было замкнуто, таинственно, неизвестно, так как было в гетто, и в сознание масс внедрялось либо экономической и социальной политикой,

либо намеками и догадками борзописцев. Однако главный огонь критиков сосредоточивался не на оскорбительном слове «жид» и даже не чрезмерных «воплях и стонах» о несправедливости властей. Все это опровергается его гениальным предвидением: «Окончательное слово человечества об этом великом племени еще впереди» (до этого слова оставалось 70 лет – времени принятия декларации ООН о создании государства евреев, их национального очага).

Главный огонь критиков нацелен на те взгляды Ф.М., где он определяет и классифицирует негативные национальные черты. Как будто таких черт нет (критики полагали, что национальное не может быть негативным)?

Попробуем разобраться и в этом. Главное, на что обращает внимание Достоевский и что он воспринимает как отрицательную черту нации, – это, по его определению, «Status in Statu» (государство в государстве). Что это такое? «Признаки эти отчужденность и отчудимость на степени религиозного догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность – еврей, а другие хоть и есть, но все равно надо считать, что как бы их и не существовало».[2]

Что касается замкнутости религии и ее культов, то, скорее всего, 130 лет назад это присутствовало в большей мере, чем сейчас, и у автора были основания это отметить. Его второе обвинение в эгоцентризме, скорее всего, вкусовое ощущение

[2] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М. «Астрель. АСТ», 2004. Т. 2. С. 89.

литератора. Здесь нет даже намека на антисемитизм. Если Ф. М. и приводит цитату[3] в подтверждение теории «Status in Statu», то неизвестно, откуда он ее взял. Она, скорее всего, носит библейский характер, явно не вызывает положительных эмоций и, скорее всего, принадлежит религиозному ортодоксу, которого и след в истории уже пропал.

Достоевский против того, чтобы «приписывать (придуманному им – М. П.) Status in Statu одним лишь гонениям и чувству самосохранения». И, конечно, это его право. Он придумал определение. И лучше других знает границы его существования. Я также не усматриваю ничего предосудительного в том, что он не может представить себе еврея без Бога и образованных евреев безбожниками. В его времена, по-видимому, так и было. Даже образованный еврей не мог себе позволить выйти из общины (вспомните пример Б. Спинозы), а община обязывала.

Нельзя отказать Ф. М. и в глубокой проницательности в оценке того, что ждет мир от образованных евреев: «Бог знает, чего ждет мир от евреев образованных». Образование часто толкает человека к поиску общественной правды и справедливости. Евреи здесь не исключение. Просто многовековые гонения, их менталитет и религия обостряют это желание у евреев.

Ф. М. Достоевский присоединяется к расхожему мнению

[3] «…С сих пор ты един у Бога, остальных истреби, или в рабство обрати, или эксплуатируй. Верь в победу над всем миром» (там же, с. 89).

в среде коренного населения о безжалостности евреев, об эксплуатации коренного населения, об использовании евреями местных законов к своей выгоде. Он видит в организации труда евреев что-то неправильное. Он негативно относится к накоплению чужого труда и превращению его в капитал.

Скорее всего, это верно. Но Достоевский признает, что это присуще не только одним лишь евреям. Да и какой в этом антисемитизм, не пойму. По Достоевскому, идея накопительства – это жидовство. Мне трудно понять, почему он применяет такой термин. Исторически это можно объяснить тем, что евреи, будучи преследуемы в средние века (да и позднее) во всей Европе, часто, перемещаясь не по своей воле и теряя при этом кров и имущество, были вынуждены большую часть имущества превращать в золото и драгоценные камни, которые могли быстро стать оборотным капиталом на новом месте. Такой подход к имущественному накоплению родился в те времена, когда в быту и литературе понятия «еврей» и «жид» зачастую объединялись в единое целое. Однако я не усматриваю в такой оценке труда евреев и способа их имущественного накопления антисемитизма писателя. И об этом лучше всего говорит сам Достоевский.

На обвинение оппонентов в том, что «при всяком удобном случае будто бы я жестоко нападаю» (на евреев, – М. П.), в «презрении к жидовскому племени», он со всей определенностью говорит: нет. «Нет, против этой очевидности я

восстану, да и сам факт оспариваю». Напротив, он именно говорит и пишет, что «все, что требует гуманность и справедливость, все, что требует человечность и христианский закон, – все это должно быть сделано для евреев».

_____ «_____ «_____

Однако, я отлично понимал, что это только первый подход к теме, первый набросок. Сама значимость «фигуры» Достоевского слишком глубока и серьезна. К этому вопросу придется еще вернуться. Я никогда еще не страшился так, как в этот раз, – вернувшись к теме: «Достоевский и еврейский вопрос в России». Ведь с еврейским вопросом в России все обстоит весьма благополучно. Проще говоря, нет такого вопроса!

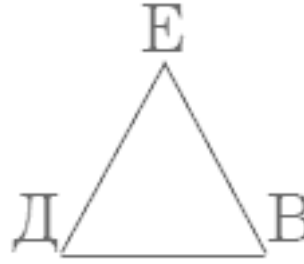
Не могу объяснить причину возврата к теме, как и не могу объяснить то, что есть у меня внутренняя уверенность: не мог быть Достоевский антисемитом. Здесь что-то не так! Быть может, повлияло и то, что в последние два года я написал две литературные биографии: О. Уайльда и Н. Гоголя, со своим незамутненным «критиками» и «поклонниками» взглядом. Обе книги[4] были весьма благосклонно восприняты читателями.

[4] Марк Поднос. Сага об Оскаре У. Издательство «Перо», М. 2020 г. Марк Поднос. «Вокруг Гоголя». Издательство «Перо», 2020 г.

_____ «_____ «_____

Первоначально эта работа представлялась неким треугольником, где в верхней части были загнанные в резервации («черта оседлости»), а затем в процентные нормы «пятого пункта» (советского стандарта биографии) евреи России и позднее СССР. А внизу власть и писатель Достоевский.

Потом, по мере обдумывания книги и составления плана, я пришел к мысли, что это неверно. У всех трех сторон «конфликта интересов» должны быть равные возможности поиска «правды». Вот только я не уверен, является ли литературная правда Истиной. Итак, треугольник должен быть равнобедренным.



Но по мере работы над темой я все больше приходил к мысли, что главное все же – писатель.

Только в своей сравнительно небольшой библиотеке в несколько тысяч томов я нашел четыре литературные биографии Достоевского: Ю. Селезнева, Л. Гроссмана, А. Труайя и А. Г. Достоевской.

По мере того как я погружался в тему, в изучение личности Достоевского – именно не писателя, а личности, – я приходил к мысли, что треугольник должен выглядеть совсем иначе.

Именно вверху личность Достоевского. Хотя вряд ли возможно отделить личность от писателя. Они всегда вместе. Слишком довлеет созданное. При всей важности «еврейского вопроса» в России перед личностью писателя Достоевского он уходит на второй план. Уж слишком завораживает личность. Хотя далеко не всегда она выглядит безупречной. Хотя много зависит от «очков», коими пользуется исследователь. А порой приходится привлекать и микроскоп!

_____ «_____ «_____

В итоге книга представляется в виде целого из трех ча-

стей:

– «Достоевский – человек и гражданин»;

– «Еврейский вопрос в России (старой и новой)»;

– «Достоевский о евреях».

Удалось ли автору создать целостное представление о теме – судить читателю.

Часть первая
Достоевский – человек и гражданин

«…Не старейтесь никогда сердцем и не теряйте (что б ни случилось в жизни) ясного взгляда на жизнь. Да здравствует вечная молодость! Верьте, что она настолько же зависит от власти времени и жизни, насколько и от нашей…»
(Федор Достоевский в альбом Ф. Г. Загуляевой)

О Федоре Михайловиче Достоевском написано так много, что что бы я ни рассказал – это будет обязательно повторение пройденного. Тем более, когда речь идет о жизни, о биографических сведениях.

Филологи, литературоведы «изобрели» даже некую область литературоведения – достоевсковедение. Меня интересует не писатель Достоевский, а прежде всего человек. Так что все, что я буду сообщать далее, следует воспринимать как некий дайджест – краткое резюме о важнейших событиях в жизни Ф.М., которые сформировали его как личность, создавали, а затем круто меняли его гражданскую позицию.

И. В. Сталину принадлежит весьма оригинальная и, на мой взгляд, верная мысль, которую он высказал в беседе с Лионом Фейхтвангером. Говоря о роли писателя (речь, ка-

жется, шла об А. Толстом), он предлагал отделять личность творца от созданного им.

Величие созданного дает лишь часть, и порой небольшую, для понимания личности писателя. Это различие еще рельефнее выглядит, когда речь идет о гражданской позиции писателя и восприятии разными слоями общества его литературного наследия.

Составляя некий проспект жизни и деятельности Ф.М., я попытался выделить те моменты, которые, как мне кажется, являются важными, самодовлеющими в формировании как личных человеческих черт героя, так и его гражданского «я» на разных этапах жизни и деятельности, в первую очередь творчества.

Наша личность, наше Я – это множество ячеек, которые формируют:

а) генетика;

б) близкие;

в) события.

То, что складывается в целостную, но противоречивую картину мира и создает нашу неповторимость.

_____ «_____ «_____

Старинные документы дают сведения о том, что род Достоевских пошел от человека «служивого» – Данилы Ртищева. Отец писателя (личности и гражданина) – Михаил Ан-

дреевич Достоевский – из этих людей служивых (власти) вышел. Пинский князь из рода Ярославичей пожаловал именем и селом Достоевым далеких предков Ф. М. Отсюда и Достоевские[5] – землевладельцы. Были среди предков и православные, и католики. Но уже с конца XVII века предки – люди исключительно православные, люди русские. Таким образом, сам Ф.М. – дворянин лишь во втором поколении. Не будем об этом забывать. Дворянство – знак качества. Другое дело, какого. Это будет выясняться и уточняться по мере изучения личности. Не будем забывать и о том, что всякое суждение, когда речь идет о живом изменчивом, – субъективно. А каждый читатель, основываясь на приведенных реальных фактах (подтвержденных рядом независимых источников), вправе иметь свое суждение.

Мать же его, Мария Федоровна, вела родословную из людей посадских Калужской губернии. Уже к веку XVIII предки матери числились среди людей торговых – купцы третьей гильдии.

Весьма важно, что ближайшие предки люди деловые: служивые, торговые.

Близость у Ф. М. была больше с матерью, чем с отцом, о чем говорят письма, переписка с отцом и матерью. От первых веет делом и прохладой. От вторых – теплом и уютом. Мать любила Жуковского и Пушкина, читала их и делилась

---

[5] Такую мысль высказывает Ю. Селезнев в своей работе «Достоевский», ЖЗЛ, «Молодая гвардия», 1985 г., Москва.

впечатлениями с детьми. Мать познакомила юного Феденьку с Державиным, Карамзиным. А до Вальтера Скотта и Шиллера он добрался уж самостоятельно.

От отца пришла любовь к труду, дисциплине и порядку. От матери – любовь к книгам, искусству и добру. «Потомственное служилое дворянство» пришло к Ф. М. от отца. Штабс-лекарь Михаил Андреевич Достоевский заслужил честь «навечно вместе с сыновьями» быть вписан в книгу московского потомственного дворянства.

Ни рабства крепостного права, ни подлинной нищеты предки ближайшие Ф. М. не знали. Так что «испуг нищеты» и любовь к «униженным и оскорбленным» пришли позднее, от обстоятельств, рожденных не предками, а жизнью.

Все дальнейшие суждения о личности Ф. М. и его гражданской позиции предлагаю строить на событиях в его жизни, которые, кажутся мне существенными (многие из них так же оценивал и сам Ф. М. в письмах и художественных образах героев).

_____ «_____ «_____

Событие. Произошло оно, когда Ф. М. было всего три года. Но осталось в его памяти. Мне оно тоже кажется существенным. Тогда юному Феденьке пришлось читать молитву по памяти перед гостями. Няня привела его. Гостям его чтение очень понравилось. Умиление и восторг взрослых от

«умного мальчика» залегли в память ребенка. Став взрослым, Ф. М. будет долго держать в памяти и ценить это чувство: восторга и умиления от соприкосновения с возвышенным, неземным.

Событие. «Наша няня, Алена Фроловна, была характера ясного, веселого и всегда нам рассказывала такие славные сказки!..» Это написал уже зрелый писатель в 1876 г., когда ему было уже 55 лет. То, что происходит с нами в юности и оставляет след, – событие. Писатель Ф. М. весьма активен в творческих фантазиях. Гиперболы, метафоры…, – они еще от детских сказок Фроловны. Семья Достоевских большая – 8 детей – братья, сестры. Без кормилиц, нянь не обойтись. Они обычно из крепостных крестьянок. Но вот в памяти только своя «Арина Родионовна» – правда, имя иное. Женщина в памяти Ф. М. не крепостная, а «гражданка» из мещан. Человек в памяти писателя удивительного «душевного благородства… и доброты». Об этом вспоминает писатель не раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.